

Эволюция беспривязного трактора

Кстати о реализме. Сидит как-то Слава Логинов, пишет сельскохозяйственную фантастику. И вот есть у него в рассказе тракторист, который по пьяной лавочке тракторы топил в реке. Сидит Логинов и думает: сколько же разрешить ему тракторов утопить — два или три? Два вроде маловато, три — не поверит никто... Женя Лукин смотрит на его мучения и спрашивает: «Слава, а сколько этот мужик на самом деле тракторов утопил?» Логинов тяжело вздыхает и говорит: «Одиннадцать...»

Герои города Фэндома. Документальная пьеса

Так говорили же, что трактора автоматически давать будут! Чтобы самому дома сидеть, поясницу чесать, а он бы за тебя чтобы работал... Третий год обещают...

Аркадий и Борис Стругацкие. Град обреченный

Было бы удивительно, если бы фантасты прошлого века, многие из которых выросли в деревнях или на фермах, не мечтали о сельском хозяйстве будущего. Умение видеть общую картину, умение предвидеть тенденции — это свойство коллективного разума научной фантастики диктовало им понимание того, что жить по старинке не получится, что на смену крестьянской лошадке идет действительно стальной конь. В крайнем виде эту тенденцию зафиксировал Генрих Альтов, считавший, что весь технический прогресс направлен на замену естественной среды обитания искусственной и наше дело — сделать эту среду не хуже, а едва ли не лучше природной.

Исай Давыдов в первой книге своей трилогии «Я вернусь через тысячу лет» (1969) писал: «Мы разговариваем с Зигмундом на пульте управления третьего поля. Тут шесть трехкилометровых полос пшеницы, над которыми движутся по рельсам громадные, стометрового размаха полестаны. Эти ажурные фермы из металла и пластмасс и рылят землю, и сеют, и поливают, и убирают урожай на своих полосах. Здесь же, на эстакаде перед пультом, киберы прицепляют к фермам то плуги, то бункеры с удобрениями или с зерном, то режущие или молотильные устройства. А сетчатые шланги заложены в самих фермах, и стоит только нажать кнопку на пульте, чтобы над “грядкой” пошел мелкий, морозящий углекислый дождь.

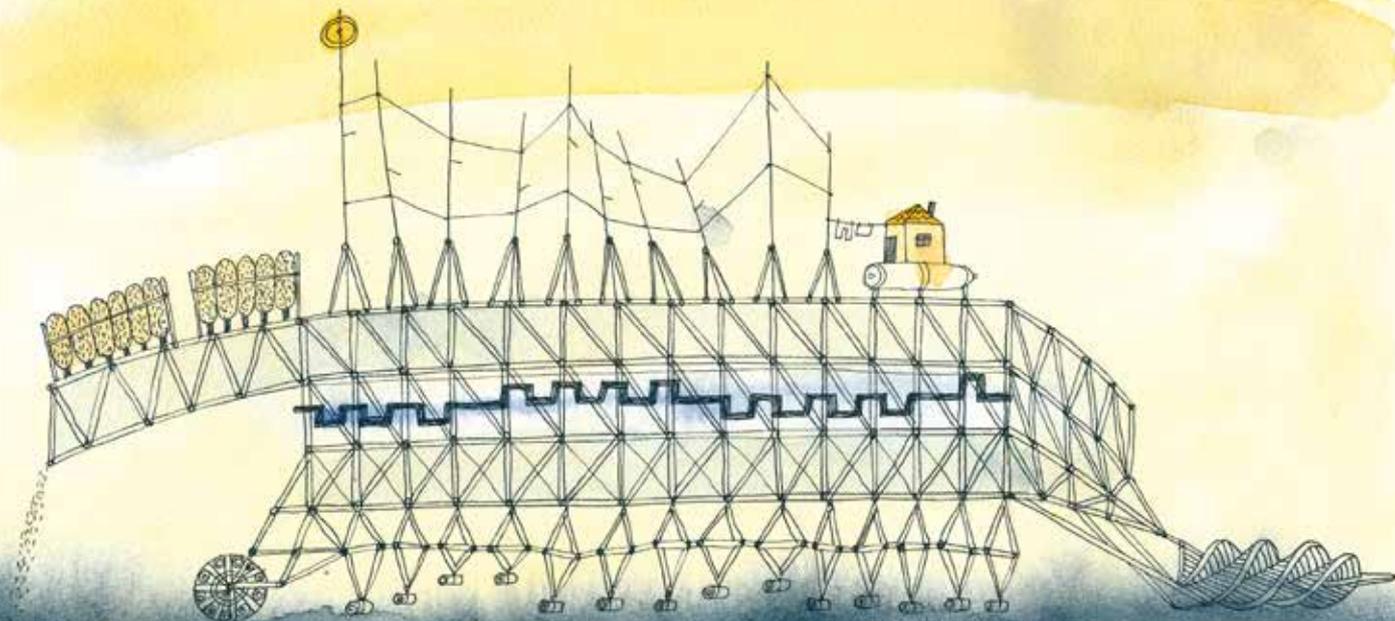
Эти универсальные полестаны придумал очень давно, еще в первой половине двадцатого века, гениальный Михаил Правоторов. Конечно, он придумал их не такими, какие они сейчас, но он нашел принцип, идею. И за эту идею до сих пор благодарны ему потомки».

Идея промышленного земледелия, сверхинтенсивного хозяйствования на земле, была очень распространена в середине прошлого века. Фантастам казалось, что стоит сделать еще один шаг к механизации сельского хозяйства от МТС, вооружить его всеобщим и всесильным (а сейчас мы бы сказали — экологичным) электричеством — столы советских людей начнут ломиться от сельхозпродуктов. В стране, вплоть до конца века испытывавшей вечные дефициты, это было настоящей фантастикой.

Будущее сельского хозяйства, в котором должно остаться как можно меньше рабочих рук, волновало, к примеру, Николая Носова. Его утопия «Незнайка в Солнечном городе» (1958), не слишком-то интересующая историков утопической мысли XX века, содержала внятную технологическую схему такого агропроизводства. «Всю долину занимал один крупнейший круг, который начинался недалеко от подножия холма и кончался вдали у опушки леса. Этот круг как бы состоял из отдельных колец и был похож на планету Сатурн, как ее рисуют в книжках по астрономии. В центре было круглое белое здание, окруженное широким черным кольцом. Черное кольцо, в свою очередь, было опоясано золотисто-желтым кольцом, за ним следовало еще более широкое кольцо — зеленое, и, наконец, снаружи было еще одно, самое огромное, — черное кольцо.

— Все это поле распахал один радиокомбайн, который сеет пшеницу, — сказал Калачик. — Весной он начал обрабатывать землю в середине, вокруг белого здания. Постепенно он захватывал все более широкие круги. Через несколько дней в центре уже зазеленели всходы, потом пшеница заколосилась, потом начала созревать, а комбайн все пахал и пахал. Сейчас в центре уже начал работать уборочный комбайн. Он так же ходит по кругу и убирает пшеницу, по мере того как она созревает. Видите, черное кольцо земли вокруг белого здания? Там пшеница уже убрана. Желтое кольцо — это созревающая пшеница, зеленое кольцо — еще не созревшая. Наружное черное кольцо — это вспаханная земля, на которой посевы еще не взошли».

Двухродной строй приходится этому комбайну автоматизированная косилка из первой новеллы цикла Клиффорда Саймака «Город» (1944), чем-то по описанию напоминающая и полестаны Давыдова, и пылесос «Румба», и кибердворников

ХИМИКИ И ЛИРИКИ

Стругацких. Впрочем, писатель предрекал традиционному сельскому хозяйству печальную судьбу. Его в мире «Города» заменила гидропоника — «Гигиенично, мол, и вкус потоньше».

Трактор без тракториста появляется и в романе Владимира Немцова «Семь цветов радуги» (1950). Там его делает сельский рационализатор. До машин без водителя — еще 70 лет. Или больше, судя по развитию событий. Роман — типичнейшее произведение фантастики ближнего прицела. Всего-то фантастического — эксперименты по районированию сельскохозяйственных культур, когда дальневосточную актинидию выращивают в Нечерноземье. И, кстати, кукурузу тоже. Тогда она еще не носила гордого имени «царицы полей», бум и фиаско были впереди.

И там же поля средней полосы покрывает среднеазиатский кок-сагыз. Александр Студитский в повести «Ущелье Батырлар-Джоол» («Дорога богатырей», 1948) отправляет героев в горы Памира в поисках, говоря по-современному, импортозамещения. Ботаники ищут новые сорта кок-сагыза, пригодные для добычи природного каучука, так нужного военной промышленности. Ведь плантация каучуконосов держали в руках проклятые империалисты, а синтетика еще не успела полностью решить проблемы замены естественного искусственным.

Братья Стругацкие заставляют своего любимого героя Алексея Быкова перед отлетом на Венеру в романе «Страна багровых туч» (1958) читать свежую газету:

««Смелее внедрять высокочастотную вспашку» — передовая. «Исландские школьники на каникулах в Крыму», «Дальневосточные подводные совхозы дадут государству сверх плана 30 миллионов тонн планктона», «Запуск новой ТЯЭС мощностью в полтора миллиона киловатт в Верхоянске», «Гонки микровертолетов. Победитель — 15-летний школьник Вася Птицын», «На беговой дорожке 100-летние конькобежцы».

Быков листал газету, шелестя бумагой.

«Фестиваль стереофильмов стран Латинской Америки», «Строительство Англо-Китайско-Советской астрофизической обсерватории на Луне», «С Марса сообщают...»

Быков просмотрел газету, подумал и, сложив, сунул в карман куртки. Это надо взять с собой. Это дыхание Земли, могучий пульс родной планеты, который хочется ощущать и в далеком рейсе. Символ...»

Горькой иронией проникнуты, по видимости, те же строки в рассказе Василия Щепетнева «Золотая рыбка» (1998), варианте «возможного эпилога» к «Стране багровых туч», в котором повеству-

ется, как это было «на самом деле». Авторы склонны согласиться с Щепетневым. Мир покорителей Венеры в романе мыслился писателями Стругацкими именно таким. Просто об этих его подробностях они не подозревали либо считали их несущественными для общей сверхоптимистической картины. А Щепетнев счел.

«В холле, пустынном, гулком, мерцал экран стереовизора. Опять про высокочастотную вспашку. Жизнь идет своим чередом, дорогие товарищи, неуклонно претворяются идеи партии, растет благосостояние, и крепнут ряды.

Новая посевная станет триумфом высокочастотной вспашки — все газеты писали именно об этом, даже «Советский спорт», даже «Оймякон штерн», невеста как попавшая сюда. Да, придется вам научиться мерзлоту пахать, ребятушки. Или надейтесь на манну небесную». По контексту понятно, что произошла ядерная война. Черноземье и Нечерноземье заражены похуже, чем после Чернобыля Полесье. И сельское хозяйство не зря отправляется в зону вечной мерзлоты...

Джон Уиндэм в «Дне триффидов» (1951) в качестве завязки своего апокалипсиса использует случай промышленного шпионажа против СССР, когда авантюрист с Запада крадет семена новой масличной культуры (похвальба Лысенко была услышана и серьезно воспринята англоязычными фантастами, не только Уиндэмом). Распространившиеся семена дали начало триффидам — ценному сельскохозяйственному растению с прискормными побочными свойствами — ходить и убивать. Увы, погоня за дешевыми растительными жирами завершилась всемирной катастрофой, так что невольно приходит мысль — не намекал ли нам автор на что-то?

Фантастическое сельское хозяйство получило новый заряд энергии, когда люди задумались всерьез о дальних звездных полетах. Вольно ж было Александру Беляеву в «Звезде КЭЦ» (1934) выращивать в космической оранжерее фрукты и овощи, словно позаимствованные из пьесы Евгения Шварца «Обыкновенное чудо» (1956). А вот в «Пути на Амальтею» (1959) исследователям системы Юпитера приходится питаться хлорелловой похлебкой. Реальная хлорелла пока не оправдала надежд. Однако все впереди — вот уж генно-модифицированные водоросли с повышенным выходом питательных веществ генетики создать сумеют. И в очень недалеком будущем.

**Владимир Борисов,
Александр Лукашин**